

CF FOLIO

Продано больше 100 тысяч книг!

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Рецепт Мастера
Снасти Императора!

Книга 2

Лада Лузина
Рецепт Мастера. Спасти
Императора! Книга 2
Серия «Киевские ведьмы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4400685

Лада Лузина. Рецепт Мастера. Спасти Императора! Книга 2: Фолио;

Харьков; 2012

ISBN 978-966-03-5721-1, 978-966-03-5748-8

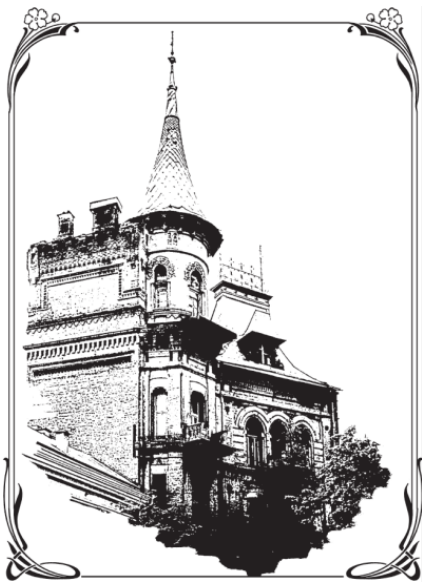
Аннотация

Эту книгу ждали целых три года! И вот "Рецепт Мастера" увидел свет! Теперь читатели "киевских ведьм" узнают, как сложилась судьба трех героинь в роковом 1917 году, и каким удивительным образом их судьбы переплелись с историей царской семьи...

Содержание

Глава седьмая,	6
Глава восьмая,	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лада Лузина
Рецепт Мастера
Спасти Императора!
Книга 2

Башня Киевиц на Ярославовом Валу, 1

Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица – Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная.

По воле или против нее, им пришлось стать Киевицами – хранительницами Города Киева – и навеки поселиться в прошлом веке.¹

¹ Начало истории – читайте в романе «Киевские Ведьмы. Выстрел в опере».

Глава седьмая, в которой начинается бой

Сцена была достойна кисти Ильи Репина – творца многозначительного шедевра «Не ждали»... Вот только живописцу, вознамерившемуся ее запечатлеть, пришлось бы долго ломать голову над названием.

Отдаленно напоминавшее Машу существо в мужской шапке, сапогах, домотканой рубахе сидело в кресле, опустив глаза, сцепив брови. Невероятно красивая Катя с гранатовым колье на груди стояла в углу, кутаясь в соболье манто. Сбросив летчицкий пиджак и потертые ботинки прямо на пол, Даша Чуб развязно развалилась на диване гостиной невзрачного, маленького, одноэтажного дома на Малоподвальной, 13. Над ними всеми – на белой изразцовой печи – сидел большой и лобастый черный кот Бегемот (когда-то он принадлежал матери Акнир Киевице Кылыне да так и не признал новых хозяек – сбежал к дочери и, похоже, последовал за ней и сюда, в Прощлое). А молодая строголицая Учительница в белой блузе и черной юбке до пят, энергично ходила по комнате и говорила, говорила, говорила...

Сегодня Акнир говорила сугубо по делу – сухо и коротко, ладно и гладко. Слова ложились бусина к бусине. Учительница не позволяла себе ненужных отступлений, насмешли-

вой дерзости, дешевой театральности; дополнявшее ее учительский образ пенсне Акнир так и не нацепила на нос – крутила в руках. Тон ее был суровым и деловым. С лица стерлись эмоции.

Но отчего-то именно из всех этих замечательных перемен становилось понятно: она боится Машу. Боится неприкрыто – и чем старательней она пытается это скрыть, тем отчетливей в ее экономичных построениях фраз проступает колючий страх.

И только сейчас Даша Чуб осознала:

«Это не Маша!»

В ожидании встречи с лжеотроком, лжепоэтесса думала о нем, как о бывшей подруге. О том, как той пришлось скрывать в монастыре свой пол, притворяться, и представляла разное... Но лишь теперь сопоставила: став их подругой, Маша не перестала быть исцелявшим на расстоянии всеведующим пророком и чудотворцем, чью святость не решались оспаривать и зубоскалы.

Но Маша святой не была. И все же делала это. Как?

«Она колдовала!»

Чуб заледенела.

Все чудеса, творимые Отроком, делала ведьма. Вся ее святость была порождением Книги Киевиц. Она переписала заклятия и оставила их на квартире. Но Маше не нужны были записи – студентка-отличница, она на лету запоминала любой единожды слышанный текст.

И во всем этом Даше увиделось что-то не очень хорошее. Но еще меньше хорошего видела в этом Акнир... Она искала Отрока и нашла младшую из Трех Киевиц, отсутствие коей нимало ее не печалило. Признав, что Маши точно нет на земле, она словно бы разом вычеркнула без вести пропавшую Третью из их общих планов...

Но оказалось, что Маша – есть. И еще оказалось, что Маша – Отрок. Тот самый Отрок, без участия которого весь ведьмин план летит к чертовой бабушке. И еще оказалось, что Маша – ведьма. Ведьма, о силе чудес которой говорит весь Юго-Западный край...

«Маша сильнее ее?»

– ...блестящие реформы Столыпина не смогли ничего изменить, хотя поначалу моя мама тоже думала так, – подобралась девица к финалу. – Да, будь Столыпин жив, он изменил бы историю, он укрепил бы низы и остановил войну. Если бы он был жив... В этом-то месте мамины расчеты и не сошлись. Он умер в 1913 году от инфаркта и...

– Все, что мы сделали, было зря, – фыркнула Чуб. – Наша песня хороша, начинай сначала!

Уже смирившаяся с сим малоутешительным фактом летчица посмотрела на бывшую студентку-историчку. Чуб уже не казалось, что та втянула их в провальную аферу – она глядела на подругу сочувственно:

«Бедная, так старалась все изменить. Каково ей узнать, что Акнир ее тупо использовала...»

Но лжеотрок безучастно тарасилась в пол. За шесть монастырских лет Машина привычка опускать глаза достигла своего апогея – она вообще перестала их поднимать. И летчицу посетило неприятное чувство, что все они словно заключены в стеклянный сосуд, а Маша находится за его прозрачной стеной – вроде бы рядом и все же за пределами их мироздания.

– Нет, не зря, – отвлекла ее от сомнительных ощущений Учительница. – В последней маминой тетради было просчитано все. Все, – весомо повторила она, – включая и вас, и вашу первую попытку Отмены. Только благодаря вам все сошлось. Только благодаря вам Трем...

– А откуда твоя мама знала про нас? – переключилась Чуб. – Она ж умерла до того, как мы тут...

Катерина еле заметно дернула ртом, вспомнив:

«Моя мама верила в вас!»

– Она просчитала, – выдала исчерпывающее объяснение ведьма. – С помощью формулы Бога мама высчитала: пророчество Великой Марины сбудется. Трое придут, пойдут в Прошлое и изменят его. И вы совершили немислимое. Да, все, что вы сделали ради Отмены было бессмысленным. Но все, что вы делали просто так, ради себя, ради наживы и честолюбия, имело огромный смысл... – Учительница повернулась к госпоже Дображанской. – Только благодаря вам, Екатерина Михайловна, в наших руках вторая и третья власть – финансы...

Катерина насупилась.

– ...и средства массовой информации. Все кинотеатры Империи принадлежат вам. И они нам весьма пригодятся. Только благодаря вам, – Акнир подошла к круглому столу у окна и взяла в руки разноцветную книгу, – мы получим первейшую власть – монархию. Только благодаря Гришке Распутину...

– Распутину? – эмоционально перебила Чуб. – Мы и его к нам подключим? Я сто лет мечтала с ним познакомиться! Вот волнующий дядя... Я слыхала, он трахался со всеми придворными дамами, потому что вампирил через секс.

– А я слыхала, – резко отбрила перебившую Катя, – что Изида Киевская постоянно говорит в интервью несусветную чушь!

– А че, я неправду ща-с говорю? – дернула невозмутимым плечом пилотесса. – Вот спроси у Акнир. Распутин – колдун ведьмак? И вампирит через трах. Я слыхала, у него та-а-акой член...

– А я слыхала, что слухи об огромном размере члена Распутина и поклонение его размеру – типичные рудименты язычества, – поморщилась Екатерина Михайловна. – Помолчи, Дарья. Спасу от тебя нет, ей-богу... Твой Распутин испохабил все святое, что еще оставалось в стране. Святым старцам место в келье, а не во дворце, не в кабаках и не на оргиях. Царя с царицей и раньше-то не сильно любили, а когда они приблизили к трону пророка-развратника и при-

нялись слушать его как малые дети... Да самый последний гимназист в Империи знал, что Россией правит не законный монарх, а окаянный Гришка! Думаю, он и впрямь обладает недурственными гипнотическими способностями. Но нам чем этот Кашпировский поможет? – вернула она трибуну Акнир.

– Он уже помог нам, – сказала Учительница. – Тем, что он жив.

– А он уже должен был умереть? – удивилась Даша.

– 16 декабря 1916 года. А незадолго до смерти Распутин оставил пророчество. Или скорее проклятье... «Русский царь! Знай, если *мое* убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи, родных и детей не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ». Так все и вышло, – серьезно сказала Учительница. – Царь и Семья были расстреляны через девятнадцать месяцев после убийства Распутина. Однако на этот раз он не умер... Его предупредили о покушении, – Акнир нарочито развернулась к лжеотроку.

– Маша... – Чуб выговорила это имя без должной уверенности, – ты что-то сделала? Значит, это правда, что говорили на Киеве? Будто царь и Распутин тайно приезжали к нашему Отроку? Правда?

– Неправда, – лжеотрок упрямо смотрела в пол. – Царя не было.

– А Распутин к тебе приезжал? Да рассказывай, Машка, уже, не тяни! – полувосторженно-полувозмущенно закрича-

ла Чуб. – Про Распутина столько всего говорят...

– Не о чем рассказывать, – отрезала Маша. – Предостерегла. Вот и все.

Вот и все?

Существо в мужской шапке, бесформенных штанах и потертых сапогах даже не подняло головы. И Даша расстроилась. Вначале не поняла отчего. А потом догадалась: не Маша это, не Маша! Настолько, что и само имя Маша к ней не лепилось. Какой-то чужой человек, холодный, недружелюбный, бездушный – запертый на все замки и засовы.

Эта «не Маша» Чуб решительно не нравилась. И не исключено, что вы, мой читатель, испытываете схожие чувства. Воздержусь от высказывания личного мнения, скажу лишь: прошло много лет. И одних годы меняют до неузнаваемости, иные изменяют только оттенки...

За шесть лет Даша Чуб не перестала быть Дашей – она представляла собой набор тех же разноцветных качеств. Ее не иссякающий энтузиазм – вылился в широкую и штормящую деятельность, бодрость духа – превратилась в экспансивность, готовность бездумно броситься на помощь любому – разрослась до честолюбивой жажды спасти всю страну, переломив мировую войну, а непотопляемый оптимизм – перековался в абсолютную веру в победу. Не то что запертая перед носом дверь, Землепотрясную сроду не останавливала и сплошная стена. В этом была ее сила: многие стены ей удавалось пробить. В этом была и ее главная слабость:

Изида Киевская больше не верила, что непробиваемые стены существуют вообще. А они существовали, увы...

Но звезда-неудачница, перевоплотившаяся в первую знаменитость Руси, более не сомневалась в себе и поступала, как человек, привыкший, что ему сходит с рук любой сумасбродный поступок. Передергивала плечами с презрительностью высшего создания, привыкшего, что все опасения, предостережения, табу – удел иных, не таких, как она. Говорила голосом баловня целой Империи, привыкшего, что его словам внимают, публикуют в газетах, повторяют, цитируют, и все реже и реже слышала других. Она стала чуть более надменной, визгливой и самоуверенной. Шесть лет ужесточили Дашины цвета...

А Катины – напротив, сделали более нежными и пастельными. Ее агрессивная самоуверенность превратилась в спокойную уверенность в себе и в ее силе угасли оттенки нервозности. Ее красота обнаженного кинжала больше не переливалась блеском голодной стали. Катя стала более мягкой и сдержанной, вдумчивой и невозмутимой. Более счастливой... И хотя минувшее шестилетие не состарило ни одну из них ни на год, образ жизни и мыслей порядком изменили черты лица двух Киевиц.

Но Третья... Третья не изменилась – она просто исчезла. Точно кто-то старательно вымарал все исконные качества, делавшие их Машу – Машей: ее простоту, ее безыскусную искренность, всепонимающее сострадание, способность

мгновенно принять чужую боль как свою. Все то, что мелькнуло на краткий миг, там, в Дальней Пустыни, и кануло в Лету.

«Катя, как дура, по монастырям каталась, ее искала, – подумала Чуб с внезапной досадой. – Колбасилась, церкви отхаркивала. А Маша, когда Катька к ней первый раз в Пустынь приехала, ее и не приняла. И ей было чихать, что Катя волнуется. Я из-за нее потеряла маму. Из-за ее Отмены! А она сидит тут и цедит слова, словно знать нас не хочет...»

– Но есть еще одна важная, может самая важная вещь, – сказала Акнир, – о которой все узнают только тогда, когда начнется наша пиар-акция... Как вам известно, новая власть потребовала от Николая II отречься от трона в пользу сына. Но, поразмыслив, Николай написал отречение в пользу младшего брата, который тут же написал отречение в пользу неизвестно кого – как получилось в итоге, в пользу Владимира Ленина. Иными словами, царь совершил страшный ляпсус. Он, как мудро заметила Катерина Михайловна, оставил Россию без царя. Она стала в сознании народа как бы ничейная. А что ничье, то всехнее. Кто хочет, приходи и бери. Тут-то все и попытались ухватить кто что может.

– Именно так, – подтвердила госпожа Дображанская.

– Так было в прошлой редакции, – внесла важную корректировку Акнир. – Но поскольку Распутин остался жив, Николай передал престол двенадцатилетнему сыну, назвав брата регентом...

– Потому что Распутин так посоветовал? – не уловила логики Чуб.

– Дело не в том, что он посоветовал, – Учительница распахнула книгу, – а в том, что единственный сын и наследник царя – Алексей – с рождения был неизлечимо болен. А благотворное действие распутинских молитв на здоровье ребенка признавали даже ненавидящие старца врачи. Три раза цесаревич Алексей был на краю могилы. Три раза доктора единодушно провозглашали его безнадежным. А святой черт просто слал из другого города телеграмму царице: «Не плачь. Твой сын будет жить». И на следующий день Алексей поправлялся.

– Ну прямо, как наш Михаил, – впечатлилась Даша. – Только наш Отрок... – Чуб проглотила слово «святой». Перевела угасающий взгляд вправо.

Сидящее поодаль, отрешенно рассматривающее дощатый пол существо не было ни святым, ни Михаилом, ни Отроком... Ни их подругой!

– Болезнь наследника престола скрывали от народа, – продолжала Акнир. – На этой страшной государственной тайне и зиждилась власть Распутина над царской семьей. Но Распутин был убит, и отец не рискнул отдать трон смертельно больному ребенку, утратившему в лице старца единственный шанс на спасение. Он написал отречение за себя и за него. Так было раньше, – сказала она.

– Но и нынче в газетах не было ни слова о том, что Нико-

лай передал власть сыну, – заметила Катерина Михайловна.

– И нам это на руку! – подвела жирную черту юная ведьма. – Брат царя отказался от регентства. Временное правительство и Совет рабочих депутатов подумали и решили: раз регент не хочет править, цесаревич им тоже без надобности. Об отреченье в его пользу не знает никто. Кроме тех, кто живет в XXI веке. – Акнир протянула Катерине разноцветную книгу, оказавшуюся при более близком знакомстве историей за 5 класс. – Тут все прописано. Вы понимаете, к чему я веду?

Екатерина Дображанская взяла школьный учебник, открыла отмеченную закладкой страницу, неторопливо вчиталась в отчеркнутый красной ручкой абзац новой истории.

– Понимаю, – медленно проговорила она. – На самом деле у России есть царь. И не просто царь – двенадцатилетний ребенок. И не белоручка – герой войны, отец его полтора года по фронту таскал. Цесаревича народ очень любит... Тут психология. Люди в принципе склонны преувеличивать достоинства детей и возлагать на них излишне большие надежды. И одно дело взять ничейное-всехнее, и совсем иное – отобрать законную власть у обожаемого народом ангела. Если на троне не Николай, а Алексей, царь – не отыгранная карта. Царь – наш козырный туз в кулаке. Осталось собрать еще несколько карт...

– И мы их соберем! – энергично уверила Катю Учительница. И тут же перевоплотилась в восторженную Агитатор-

шу. – Вдовствующая императрица послушает Отрока и предупредит сына. Мы похитим Семью. А на следующий день народ узнает, что Временное правительство скрыло от них, что у них есть новый царь!

– Это иной разговор. Это серьезный аргумент, чтобы их обвинить, – признала Катерина Михайловна.

– Через неделю-две новая сенсация: юный царь Алексей тайно приговорен новым правительством к смерти.

– Да, убить ребенка-царя... Такого святотатства им не простят ни здесь, ни за границей, – закивала Катя.

– Временные мгновенно теряют всех своих союзников, – подхватила Акнир. – Во всех ваших кинотеатрах идет документальная хроника – цесаревич в своем матросском костюмчике. Да не двенадцатилетний, а трехлетний, двухлетний крохотуля с невинными глазками. Россия-мать со слезами хватается за сердце. Вдовствующая императрица-мать тайно скликает командующих в Киев на спасение внука и на время его отсутствия принимает власть в стране на себя.

– Вдовствующая императрица недурно, – заценила госпожа Дображанская. – Она – хваткая баба. И в Киеве ее уважают. Если все это будет ее именем...

– Именно! – воспарила Акнир. – И именем Бога! Нынешние люди – не мы. Для них помазанник божий – святое. Это сидит в подсознании, даже если сознание уже исковеркано...

– Но армия – это огромные деньги, – опустила Катя воспарившую было ведьму на землю.

– Катерина Михайловна, – с упреком сказала Акнир. – Ведь сплетня, что вам принадлежит половина Империи, не такая уж сплетня...

– Да, – сказала Катя. – Но это мои деньги.

– Неужто вы предпочтете отдать их большевикам? Неужто вы так и не поняли главного? – вдохновенно спросила ее Агитаторша. – Война стала первой причиной! Раздав мужикам оружие, Николай своими руками вооружил будущую красную армию. Но благодаря вашим деньгам и масс-медиа эта вооруженная армия будет нашей! Болезнь цесаревича сделала царя и царицу психологическими рабами Распутина. Но благодаря ей мы и получим теперь того единственного законного наследника трона, которого признают все: офицеры, солдаты, мужики, аристократы. И все благодаря Маше... Вы Трое удивительным образом последовательно превратили десяток причин революции в десяток беспрюиришных способов ее отмены!

– Помилуй, душа моя, – скривилась госпожа Дображанская, – мы Трое не похитим наследника. Чтоб осуществить весь твой план нам понадобятся сотни людей.

– И вы снова правы, – нимало не смутилась Акнир. – Помните, я поминала, что Ленин назвал революцию чудом – он сам толком не понял, как, почему она произошла. Слишком уж все сошлось! Сами собой множество фатальных причин выстроились в ряд, как на параде планет. И чтобы противостоять им, нам понадобились бы не сотни, а тысячи тысяч

человек... Но в том-то и соль, что вы Трое стоите всех! Зачем нужна сотня, если у нас есть одна наша поэтка? – ведьма улыбнулась Чуб.

Даша неуверенно растянула губы в ответ, крайне плохо представляя, за что Акнир собирается ее похвалить – неужто за кражу ахматовских стихов?

– Самолет, – лаконично сказала Акнир. – Похитить царскую семью сможешь лишь ты на своем «Илье Муромце». Единственном самолете, способном поднять десяток человек: семь августейших особ, тебя и меня. Я знаю, куда их везти. Место надежное, – ведьма повернулась к Катерине Михайловне: – Я понимаю, вы зададите мне еще десятки вопросов. Но на все ваши вопросы есть лишь три варианта ответа... Это сложно осмыслить, трудно понять, но, поселившись в Прошлом, вы Трое бездумно, исключительно в силу природных качеств характера прибрали к рукам все рычаги, повернув которые можно обратить историю вспять. Превратить все возможные минусы в наши плюсы.

– Все наши недостатки – в достоинства! – Чуб, безутешно оплакивающая свой бесполезный самолет, поняла ее первой. – Ну и что, что я с «Муромцем» на войну не пойду? Я не зря его строила! Я на нем царя от смерти спасу! Ну и что, что ты, Катя, всех тутошних воротил разоряла? Правильно делала! Они мир на свои бабки спасать не собирались. А ты спасешь... Просекаешь?

– Ну, коли так... – с секунду поколебленная Катя смотрела

на Чуб, не подозревающую, какую жизненно важную струну ей удалось зацепить. – Должна признать, в целом план совершенно безумен.

– То, что сейчас вы внимаете мне, тоже часть безумного, но гениального маминого плана! – победительно просияла Акнир. – Моя мама не зря верила в Трех!

Катерина кивнула. Новость о том, что план, частью которого была вся Катина жизнь, принадлежал Киевице Кылыне, а не ее шестнадцатилетней дочери, как ни странно, принесла облегчение.

– Но отчего-то твоя мать не сочла нужным воспользоваться своим планом, – сказал незнакомый им голос.

Машин голос – впервые за весь разговор лжеотрок подняла глаза, и Чуб увидела в них пустоту, бесконечную, непонятную, зимнюю – теперь она была еще больше «не Машей».

– Твоя мать предпочла умереть, – сказал Отрок. – Я не буду вам помогать. Ты знаешь почему. Ты знала, что я откажусь. Октябрьская революция будет.

* * *

– Как? Почему? – в первую секунду Даша даже не поразилась – просто не поверила. – Ты ж больше всех мечтала ее отменить. Ты больше всех хотела... Ты нас и уговорила тогда! Ты нас втянула. Как же теперь?

– Мы вернемся назад. В наше время, – лжеотрок перевела

на вопрошавшую взгляд, и пустота охватила Дашу.

– А как же пятьдесят миллионов? – растерянно спросила та, отказываясь верить в безжизненность этой пустоты.

Когда-то Даша Чуб стояла до последнего пнем, отказываясь жертвовать собой ради миллионов людей, погибших в прошлом столетье. Но нынче не помнила об этом...

Нынешний Прошлый век уже был ее настоящим, погибшие – живыми людьми, которые сидели рядом с нею в кафе, аплодировали на ее выступлениях, восхищались ее рекордами, дарили ей венки и букеты. Наивные модистки и горничные, студенты и романтические гимназистки с длинными косами, серьезные господа с закрученными усами, сестры милосердия в белых платках, бесстрашные военные летчики...

– Они все погибнут, – бесстрастно сказала «не Маша».

– Нет, нет! – воспротивилась Чуб. – Ты не можешь так думать. Устроила себе там, в Пустыни, рай на земле, а на остальных и смотреть не хочешь. А ты в курсе, что пока ты у себя в келье сидела, семь миллионов погибли? Уже! Вот на этой войне... – ударила Чуб по непонятной атрофии души, поразившей подругу. – Петя погиб. Он не погиб бы, если бы мы войну отменили. Если б Столыпин не умер...

– Но он умер, – сказала «не Маша». – Неужто, вы не поняли?

– Да поняли мы! Это была ошибка!

– Ошибка, – повторила лжеотрок. – Я убедила вас ее совершить, потому что возомнила себя умнее Бога. И пошла

против него. А когда поняла, было поздно – ничего не поправить. И я отчаялась... От маловерия. Ибо Господь все равно все сделал по-своему. Столыпин все равно умер. От инфаркта. И революция будет. Потому что Бог допустил ее.

– Да кто ж тебе такую глупость сказал?! – ахнула Чуб.

– Ты, – существо, отдаленно напоминавшее Машу, чуть заметно растянуло губы в улыбке. – Ты часто говоришь мудрые вещи. Но редко прислушиваешься к себе. Почему ты не поешь? Ты же певица.

– Причем тут пение-то... Нашла кого слушать! – возопила Чуб. – Мало ли чего я ляпнуть могла!

– Так я и рассудила тогда, – согласилась «не Маша». – Но если бы я прислушалась к тебе, если бы я услышала тебя... Я никогда б не пошла на Отмену.

– И что бы было тогда? – разрезал их ссору голос Акнир.

От ее учительской сдержанности не осталось и следа. Сияющий восторг превратился в свою противоположность. Черты юной ведьмы заледенели от ненависти, губы оскалились.

– Что было бы, – яростно прошипела она, горбясь, как кошка, – если бы ты не попала в мою ловушку, не пошла на Отмену, не уломала их уместись сюда... Какие у вас были еще варианты? Вступить в бой со мной и погибнуть! Вы, люди – слепые... Вы получили власть моей матери незаконно! Киевицей может стать только чистокровная ведьма. И ни одна из вас не в силах доказать свою ведемскую кровь. Ты, – обличила она презрительным перстом Катерину, – из заху-

далого рода! Ты, – ее палец уткнулся в Чуб, – сама не знаешь, кто ты! А ты... – Акнир испепеляюще взглянула на Отрока, – ты должна помнить. Там, в нашем времени, вас ждет Суд между Землею и Небом. Вы должны не на словах, а в бою доказать, что вправе владеть силой моей матери. А во время суда Киевицу можно убить. И шесть лет назад я бы просто убила тебя. Вы не знали тогда ничего. Ты не справишься со мной даже сейчас, святой Отрок.

* * *

Без всякого предупреждения дочь своей матери выбросила руку вперед.

«Акнир – бесиха», – Даша вспомнила, как называют ведьм, повелевающих бесами.

Но воспоминание выхлопнуло на мгновение позже, чем лжеотрок подняла руку в ответ и комнату наводнили скрежущие, взрезающие душу скальпелем стоны. Круглый одноногий столик испуганно отшатнулся к двери, мебель – старые диваны и кресла – задрожала, задвигалась. Катя и Даша рефлекторно впечатались в стены. Тяжелая оконная занавесь встала дыбом – бьющаяся ткань перегородила гостиную на подобие ширмы...

А в складках, очертаниях полощущейся шторы пропечатались рожи невидимых жутких тварей.

Они гримасничали, извивались, корчились в муке – бе-

сы метались, бились в силках между той, чья рука властно посылала их вперед, и той, чья выставленная щитом ладонь приказывала им идти прочь. Бесовская портьера завyla от боли, рванулась к двери, карниз соскочил со стены, выдирая громадные гвозди, и с грохотом обрушился на пол.

– Ничья, – крикнула Акнир и опустила руку – Ты сильнее, чем я думала... Тебе же хуже!

Вместо ответа Маша щелкнула пальцами, и пол ушел из-под Дашиных ног. Она повалилась на непонятную, поросшую травой летнюю землю. Вскочила, завертела головой. Гостиная исчезла. Исчез 13-й дом, улица Малоподвальная...

Исчез Город Киев!

Четверо возвышались на покато́й горе в окружении бесконечных холмов и дремучих, укутанных пушистыми лесами низин. Справа – вдалеке – искрился невозможно огромный, широкий, как море, Днепр, лениво рассекающий своим великим телом два безмятежных, нетронутых цивилизацией берега.

– Две тысячи лет назад. Неплохо! – услышала Чуб и повернула очумевшую голову вправо.

Ведьма и лжеотрок стояли друг против друга на отроге горы. И прежде чем Даша успела осмыслить хоть что-то, одним коротким движением Акнир распустила, собранные в безликий учительский шиш светло-золотистые волосы, утопила в них пальцы, приподняла космы вверх и резко мотнула головой. Ее грива взвилась, описала полукруг...

Катя заорала.

В мгновение ока лжеотрок превратилась в окровавленную статую. Густые потоки крови обезличили Машино лицо. Иссеченная тысячью бритвенных порезов одежда обвисла лохмотьями, окрасившимися в кроваво-алый. И каждый из этих порезов нанес каждый волос ведьмы!

«Акнир – косматочка. Умеет ворожить с помощью собственных волос»

Даша не помнила, кто и когда говорил им это. Но знала теперь, почему первым делом инквизиторы брили уличенных в малифиции женщин наголо.

Волосы ведьмы могли быть страшным оружием!

– Нет! – секунду тому назад бывшая Машей кровавая туша выставила рваную ладонь. – Катя, не надо...

Второй рукой лжеотрок закрыла лицо, длань скользнула по телу, врачуя порезы. Мгновение – и кабы не жалкие остатки одежды, Чуб могла бы подумать, что кровавое месиво примерещилось ей.

– Да, восстанавливать ты научилась неплохо. Но вся твоя наука не стоит в бою ни черта. Ты не умеешь УБИВАТЬ! – просипела Акнир.

Стремительным жестом ведьма вырвала из шевелюры длинный волос, скрутила петлю, затянула ее.

Маша схватилась за горло. Держа волос за два конца, противница медленно развела руки в стороны – вмятина от невидимой струны, перерезающей горло лжеотрока, стала

видимой, синей. Младшая из трех Киевиц раззявила рот, выкатила глаза, засучила руками.

«Катя, не надо!»

Она не могла это крикнуть – вытянув в сторону Кати руку с предостерегающим указательным пальцем, Маша качнула им, удушливо засипела...

Чуб не разобрала слов.

Но ведьма конвульсивно согнулась пополам, ее черты исказили слезы.

– Зачем?! – захрипела она. – Mamочка, ну зачем... Так нечестно, нечестно! Зачем тебе Небо? Они воюют две тысячи лет. Они разберутся без нас... Почему именно ты... как же я? Разве это честно, бросать меня? Сказать: «Я пошла умирать, ты должна все понять». Я не хочу понимать! Не надо выпускать Змея... Мы отменим октябрьскую. Трех не будет. И ты будешь жить. Ты – лучшая... «Истинная гордыня в смирении», – чушь! Mamочка... слышишь, даже если ты против, я верну тебя! И мне плевать, что будет потом! Поверьте мне, поверьте, только поверьте... знали бы вы, как я вас ненавижу... но я сделаю все... для вас все, что хотите. Я пальцем не трону... Только отдайте мне маму. Пожалуйста...

«Вот она – настоящая!» – поняла Катерина.

Ее дрожание губ, детские всхлипывания, злая истерика, боль, прорывающаяся, стоило Акнир вспомнить о матери, погибшей из-за такой ерунды, как трое слепцов – только это

одно и не было маской. Только это и можно было принять за непреложную истину. Только в этом одном ей можно верить.

Она хочет вернуть свою мать, и для нее не имеет значения цена!

Девчонка закашлялась, затряслась в рвотных судорогах, кровавая каша вырвалась из ее рта. Кожа Акнир стала бледной, а васильковые глаза почти черными от иссушающей ненависти.

– Значит так, святой Отрок, ты обрабатываешь своих гостей? – прохрипела она. – Вырываешь из них самое... самое... Знай, сука, этого я тебе не прощу! Это было только мое!

Словно юла, Маша крутанулась на 360 градусов, нарисовав пальцем в воздухе замкнутый круг.

– Круг Киевицы, – усмехнулась Акнир. – Считается непреодолимым. Ну что же, смотри...

Остекленевший от злобы взгляд ведьмы прицелился в Третью. Пальцы зашевелились, словно Акнир сплетала из воздуха незримое кружево. И мир начал рушиться у них на глазах...

«Она – чарошлетка», – вспомнила Даша.

Не сразу.

Вначале ей показалось, что перед глазами поплыли серые пятна. Она потрясла головой. Пятна не исчезли – стояли на месте. Зеленый, насыщенный солнцем мир лесов и холмов то там, то тут покрывали неясные сгустки темноты, будто мир

был картинкой, поверхность которой можно испачкать. Или прожечь...

Грязное ржавое пятно испортило безоблачное небо над Машей. Черная клякса осквернила пейзаж за спиной. Тьма замутила воздух перед ее ртом, очертила черный ореол вокруг головы...

«Она – чаролетка! Со времен Великой Марины даром чаролецства не владел никто! Чаролец способен создать новые законы... меняет мир по собственному желанию. Стоит Акнир получить чуть больше сил...»

Чуб вспомнила, кто говорил им это в том давнем-давнем будущем, где суд между Небом и Землей, бой между ними и Акнир, был неизбежен. И еще вспомнила, что восстав против Трех, дочь своей матери получила достаточно сил – киевские ведьмы отдали ей свои силы, чтобы наследница Киевицы Кылыны могла победить самозванок.

Бурая тьма выжгла солнечный мир вокруг Маши, крепко обняв жженой грязью непреодолимый круг Киевиц – с каждой секундой кольцо сужалось. Опустив очи долу, лжеотрок безвольно стояла, не предпринимая попыток разогнать эту мглу...

«Она не знает, как... Она не умеет!» – в отчаянии осознала Даша.

«Акнир может сплести новые чары! Чары, которых нет в книге Киевиц. Чары, против которых нет противоядий. Кабы не это, у вас был бы шанс...»

Лжеотрок подняла глаза, посмотрела на Катю и отрицательно покачала головой.

В тот же миг тьма дорвалась до нее. Маша заорала так, словно чернота, разъедавшая мир, была соляной кислотой. Мгла набросилась, скрыла ее.

– Нет! – закричала лжеотрок. – Умоляю тебя... Только не убивай! Только не убивай!..

– Ты слаба даже духом! – пальцы чароплетки опали. Тьма исчезла. – Киевицу невозможно убить! Забыла? – брезгливо спросила она. – Но если бы сейчас был Суд между Землею и Небом, знай, я бы не расслышала твоих просьб о пощаде... Знайте все, – сверкнула глазами она. – Если вы поможете мне вернуть маму, я действительно сделаю для вас все. Все, что попросите. Помогу вам разбогатеть и прославиться, научу менять мир... Делайте с ним все, что хотите! Пусть моя мать не будет Киевицей в будущем, пусть она только будет... Но если, – сказала Акнир, потемнев, – вы откажетесь помочь мне, я вспомню, кто виноват в ее смерти. Да, вы бессмертны. Но из этого правила есть три исключения: Киевицу может убить Город, она сама, и тот, кто вступит с ней в поединок во время Суда. Клянусь, чтобы расправиться с вами, мне хватит и одного!

– Простите. Мне надо идти. Я не могу оставаться...

Лжеотрок быстро шелкнула пальцами.

Чуб обиженно взвизгнула, ощутив, как возведенный на древнем холме фундамент 13-го дома на Малоподвальной

больно ударил ее в поясницу, выбив землю из-под ног. На миг в глазах потемнело, спина заболела...

Она снова лежала на деревянном полу. Их окружала разоренная гостиная. Не прощаясь ни с кем, побежденная Маша выскочила за дверь.

– Машеточка, стой! – неуклюже вскочив с пола, Катерина подобрала сумку и меховое манто и поспешила за беглянкой. – Подожди!

Дображанская выбежала в заснеженный сад вслед за Машей.

Опустив голову, прижимая ладони к ушам, лжеотрок бежала к калитке.

– Подожди, это важно. Маша, это так важно для меня!

– Замолчи! Замолчи! Я не могу тебя слышать! – закричала лжеотрок. – Ненавижу тебя...

* * *

– Ненавижу ее. Ненавижу... – Акнир опустошенно утопила в ладонях лицо. – Вот держалась, как могла, так старалась... И так сорвалась!

– Не парься, – утешила ее Даша Чуб. – Зато теперь мы тебе верим. Ты нас всех ненавидишь. И сто процентов убьешь, если мы послушаем Машку, вернемся назад и попремся на Суд. И ты вовсе не хочешь нам тут помогать. Просто другого способа нету... Знаешь, – держась за ударенную поясницу,

лжепоэтесса поднялась на ноги, – а я ведь тебя понимаю. Я так страшно за мамой скучаю. Никогда не думала, что так за ней буду скучать.

Ведьма подняла на утешительницу непривычно открытый, наполненный обезоруживающим сочувствием взгляд.

– Но ты можешь увидеть ее, – сказала она. – Иди к своей маме прямо сейчас.

Глава восьмая, в которой речь идет о дочерях и матерях

– ...в общем, мама верила в пророчество Великой Марины. Я ей говорила: «мам, ну как примирить Небо с Землей? Ну, разве что небо на землю рухнет, но это уже не на перемирие – больше на конец света похоже». Ведь Марина сказала: «Когда в Киев в третий раз придут Трое, они примирят два непримиримых числа». Понятно, речь идет про единицу и тройку. Но то, что единица – Земля, сотворенная в первый день, а тройка – ваш триединый Бог, это только трактовка! Одна из тысячи! Разве можно умирать ради этого? А она... – вздохнула Акнир. – Ну, ты меня понимаешь.

– Мамы никогда нас не слушаются, – с апломбом подтвердила Чуб. – Они просто поверить не могут, что мы хоть в чем-то умнее их можем быть. Да стань я хоть президентом страны, моя мать все равно будет смотреть на меня, как на ребенка! Это проблема всех мам.

Собственно, эта очерченная ею проблема и волновала Дашу.

Изида Киевская и юная Учительница пили шампанское в крещатицкой кофейне Семадени и вот уже второй час подряд великолепно понимали друг друга. Оказалось, ни разли-

да в возрасте, ни различие между слепыми и ведающими не имеют никакого значения, когда дело касается их матерей.

– Верно! – вскрикнула ведьма. – Не родилась еще на свете та мать, которая б посчитала себя глупей своей дочери!

– Примите, уважаемая Изидя Андреевна, – подскочивший лакей водрузил на их стол вазу с отборными фруктами. – От господ с того столика. Просят принять вместе с их уверениями в совершеннейшем к вам почтении. А это от заведения-с.

К вазе присоседилась расписная бонбоньерка с изысканным произведением кондитерского искусства – шоколадной фигуркой сестры милосердия, склонившейся над постелью шоколадного раненого. Почти полвека шоколадная фабрика швейцарца Семадени славилась в Киеве своим непревзойденным мастерством в изготовлении особых заказов: тортов в форме цветочных корзин, башенок, домиков и прочих разнообразных фигурок.

– Отто Бернардович телефонировали, – томно изогнулся лакей, обожая знаменитость глазами. – Они ваши давнишние поклонники. Просили передать, что вы оказали нам огромную честь...

Поэтесса-пилотесса любезно улыбнулась шоколаду, винограду и яблокам, смотревшимся особенно ярко на фоне зимнего заоконья. Демократичная кофейня была переполнена разношерстной публикой: от биржевых дельцов до театральных статистов, от зубных техников до гимназистов –

но стоило ей переступить порог, все эти люди повскакивали с мест. В одну секунду Дашу провозгласили «гордостью Киева», «королевой авиации», «спасительницей отечества» и даже «национальной святыней». Оказавших честь усадили за лучший столик, где они могли поговорить без помех, поскольку восторженные взгляды поклонников, буравящие спину, Чуб не считала помехой никогда.

Ей нравилось быть королевой!

Но кем она будет, если пойдет к маме «прямо сейчас»? Ведь в настоящем время стоит. Это она не видела свою мать-маяковку шесть лет... А ее мама рассталась с дочкой всего час назад! Как доказать ей, что за этот час Даша успела прославиться на весь мир, научилась летать на самолетах С-6А, С-10, С-12, «Гранд», «Ньюпор», «Моран», «Илья Муромец»... Как объяснить, что на дочь нужно смотреть другими глазами?

– Но самое обидное, – сказала Чуб, – даже если б не эта нескладуха со временем, мама все равно б не поверила... Я б все равно была для нее ее «глупым мышоночком».

– Если бы моя мама увидела, – подхватила Акнир, – что я тут с тобой сижу, шампанское пью, она бы второй раз умерла или меня на месте убила. Она себе в голову вбила: Трех надо убрать. Но я же права... Скажи мне, я права?

– Сто процентов права! – заверила ее Даша Чуб. – Я вообще не въезжаю, чего твоя мать к нам прикопалась.

– Наливай, объясню, – махнула рукою Акнир.

Быть может, потому что все ведьмины тайны вмиг стали явью и ей больше не нужно было притворяться и лгать, быть может, потому что ей давно хотелось поделиться хоть с кем-то, но вскрытая Машей правда превратила Акнир в обычную девушку. Возможно, излишне нервозную и самоуверенную... Но Чуб понимала: чрезмерная самоуверенность не лишняя штука для той, которая вознамерилась поставить дыбом историю, дабы вернуть свою мать вопреки ее же запрету.

– Моя мама верила в Трех. То есть нельзя сказать, чтобы верила. С помощью формулы Бога она высчитала год, день и час, когда Трое придут. Потом увидела вашу Машу в Прошлом, и там она уже была Киевицей. Тут вера без надобности. И так понятно.

– Называется Вертум, – сказала Чуб с умным видом.

– Редчайшая вещь, – закивала Акнир. – Я тогда еще маленькой была. Вначале не поняла. Говорю: «Мам, как же она там Киевица, если она тут слепая еще? Она ж еще силу твою не получила. Как же без силы она могла в Прошлое пойти, да так далеко. Даже я до 1911 года не дойду, а я ведьма, не слепуха какая-то». А мама говорит: «Она не пошла, она пойдет туда много лет спустя. Но пойдет непременно. А раз пойдет, значит, станет Киевицей. А раз она ею станет – меня не станет. Вертум – это будущее, которое невозможно изменить». Редко, но бывает. Короче, лет десять назад мама узнала: ей придется погибнуть из-за вас Трех.

– Тогда понятно, отчего она взъелась, – понимающе протянула Чуб. – Явно не повод нас возлюбить.

– Мама не взъелась! – восторженно обелила маму Акнир. – Только слепые убивают другу друга от страха, спьяну, по глупости... Мама придумала, как обойти клятый Вертум! Уговорить вас отменить революцию, заманить вас сюда и заставить вас своими руками перечеркнуть вашу дату рождения. Гениальный план, правда? Вы ее погубите, вы же и вернете все взад...

– И честно, по-своему, – похвалила погибшую Киевицу Изида. – Мы ж не хотели ведьмачить. Мне лично здесь вообще даже лучше. И мы живы и счастливы, и мама твоя, и пятьдесят миллионов...

– Все в шоколаде, – закруглила Акнир. – Я все детство ею гордилась. Только величайшая Киевица могла придумать, как сделать так, чтобы всем или почти всем стало лишь лучше! И вдруг – это был день моего рождения – мама говорит: «Прости, Акнирам, не могла сказать тебе раньше. Отмена – не выход. Я должна умереть – это единственный способ выжить. Я выпущу Огненного Змея...» Дальше ты знаешь. Чтоб освободить его, Киевица должна принять смерть.

Чуб посмотрела в окно: на Думскую площадь, которую пилотесса упрямо именовала «майdanом», на подкову здания городской Думы с архангелом Михаилом на шпиле. Архангел поднимал грозный меч, собираясь убить извивающегося в его ногах мерзкого змея. То не было простой аллегорией.

Маша рассказывала, что страх перед чудищем, обитающим в древней земле, преследовал киевлян вплоть до конца XIX века... не без оснований! Огненный Змей не был сказочным Змием. Но огненным – был. И кабы пожар, разожженный погибшей Киевицей Кылыной, встал над Градом сейчас, его было бы видно и отсюда.

За шесть лет пилотесса забыла многое, но достигающий неба огненный столп, неугасимый огонь, пожирающий Андреевский спуск, были незабываемыми. Прочее помнилось смутно... Обрывки фраз и событий. И сотканный из пламени огненный демон с женским лицом, чьи стопы поджигали траву – мать Акнир.

«...смерти – нет! Вот в чем ответ. Уроборос! Мой конец – это мое начало. В природе ничто не умирает...»

Чуб рефлекторно коснулась своей змеящейся под тканью цепочки – Уроборосом звали ее оберег, цепь-змею, кусающую собственный хвост. Но кроме имени, она не знала о нем ничего.

– Если честно, – призналась она, – я так и не поняла, за чем твоя мама пыталась сжечь Киев. Разве она не знала, что Город – живой и ему это совсем не понравится? Маша сказала, Киев сам убил твою мать.

– Потому что на нее наябедничал Левый! Ну, стоящий по Левую руку... Дух Города – Демон, слепые так его называют. Да и ерунда это все. Так или иначе, мама решила пожертвовать телом. Истинная гордыня – в смирении.

– Вот в эту тему я во-о-ще не въезжаю!

– А думаешь, я въезжаю? – безрадостно ухмыльнулась Акнир. – Постараюсь объяснить по-простому. Слепые думают, будто Земля принадлежит им. Почему вы так думаете, никому не понятно. Один крохотный смерч сметает вас, словно мух. Но до того, как киевский князь Владимир крестил Русь, люди знали, кто кем владеет, и поклонялись своей Великой Матери. А Киевица не стояла тогда между Землею и Небом. Она была ведьмой – самой сильной, самой ведающей, знающей. Она одна знала язык нашей Матери и говорила с ней на равных. Ты представляешь, что это такое? Это как мы сидим вот с тобой сейчас, и я говорю: «Отодвинь эту вазу, а то мне улицу не видно». Кстати, отодвинь, не видно...

– Эту? – Чуб передвинула фруктовницу на край стола и удовлетворенно отметила, что на улице уже собралась небольшая толпа зевак, глазеющих на «королеву мировой авиации», восседающую за окном кафе, как в витрине.

– Вот так же Киевица могла сказать Земле: «Отодвинь эту реку, она мне пройти мешает». И Земля говорила: «Эту? Да пожалуйста...» Ты хоть представляешь, КАКАЯ ЭТО ВЛАСТЬ? – округлила ведьма глаза. – Но самой великой Киевицей была Марина. Она не говорила с Землей. Она стала Землей.

– Умерла, что ли?

Акнир с сомнением посмотрела на Чуб:

– Ты слепая, я не знаю, как тебе объяснить. Если уж ма-

ма не смогла объяснить это мне... То есть умом я понимала: она не умрет. Мама сольется с природой и станет самой Великой Матерью. Это не смерть... Но с другой стороны, ее все равно ведь не будет. И она никогда не заварит мне чай из синей травы. И не обнимет. И не вернется домой. Как я плакала, как я просила ее отказаться, вспомнить стыдно. Нет, – помрачнела Акнир, – тебе я скажу. Я на колени перед нею встала, умоляла: «Мама, не надо! Давай отменим Октябрьскую...»

– А она?

– «Нет, – говорит, – Трех можно победить только так. Иначе они примирят Небо с Землею». И хоть лбом в стену бейся! Я и билась, – хмуро добавила ведьма, – когда она приказала мне уехать из Города, а потом мне сказали, что вы победили. Город забрал ее тело... Но душу убили вы.

– Вообще-то, – сочувственно сказала Чуб, – мы защищались. Ты тоже себя на наше место поставь.

– Да знаю я! – скривилась Акнир. – Но как я вас ненавижу, как мечтала убить.

– Нормально, – успокоила девушку Даша. – Если бы ты мою мать, я б тебя тоже убить мечтала... А то и убила б. Вообще не знаю, что б со мной было, если б мне сказали, что моей мамы нет.

– А я знаю, – хрипло сказала Акнир. Она залпом допила шампанское, нервно заправила за ухо выбившийся золотистый локон. – Я ходила к ней, – созналась она. – В Прошлом.

Я нарушила все запреты, но я пошла к ней, чтобы сказать: вы победили, а она умерла. Я надеялась, она передумает. Но она сказала мне: делай, как я велела. Не вздумай меня возвращать. Единственный способ уничтожить ее сделать это, пока она слаба. Призови Трех на Суд между Землею и Небом. Так я и сделала. Меня послушали и назначили Суд. Я могла бы убить ее... Но разве это вернуло б мне маму? И я не стала ее убивать.

– Ее, в смысле, Машу? – догадалась вдруг Чуб. – А почему твоя мама хотела убить именно ее? Почему не меня, например? Не Катю? – даже как-то обиделась она.

– А вас-то зачем? – удивилась девчонка. – Только слепые убивают без надобности. Достаточно уничтожить ее, и Трех не будет.

– Без любой из нас Трех не будет, – резонно заметила Чуб, беря в руки шоколадную сестру милосердия.

– Не скажи, – не согласилась Акнир. – На все ваши подвиги вас толкала она. Она всегда вела вас вперед: уговорила принять силу и отказаться от нее, перебраться сюда, отменить революцию... Стоило ей исчезнуть – вы превратились в обычных людей. Скажи, разве за шесть лет без вашей умопомрачительной Маши вы совершили хоть один подвиг?

– Конечно, – бодро начала Даша Чуб. – Как только мне С-20 сварганят...

И осеклась.

Растерянно посмотрела на свой хрустальный бокал, на

сладкую сестру милосердия, согбенную головку которой она как раз собиралась откусить... Продавать в Киеве столь непозволительную для военного времени роскошь, как выпечка, торты и пирожные давно запретили специальным указом: с начала войны в стране царил жесточайший сухой закон. Но, услышав Дашин капризный заказ: «Хочу шампанского! Я пью только Голицынское. Поддай всем за мой счет!» – официант лишь улыбнулся кутящей «гордости Киева» всепонимающей улыбкой. На протяжении войны бесчисленные поклонники «национальной святыни» исправно снабжали ее спиртным и конфетами, духами и шелковыми пижама́. Люди, топтавшиеся за окном кафе, улыбались Изиде, восторженно тыча в нее пальцами – они считали ее героиней... Спасительницей отечества!

А она сидела в кафе, пила у них на глазах запрещенное шампанское, ела шоколадных солдат и разглагольствовала о том, что пойдет воевать, как только получит подходящий боевой самолет. В то время, как настоящий «король» – ее друг и учитель Петр Нестеров – три года как лежит в земле Аскольдовой могилы.

«Что с тобой, Ветер? Ты словно перестала видеть мир вокруг».

– За революцию!

– За новые времена!

Дашино насторожившееся ухо уловило звон хрусталя. Неподалеку от них, за круглым мраморным столиком, сиде-

ла семейная пара. Сытый господин, изысканная дама с лисой на плече. В руках у них были бокалы. И Чуб резанула наивность, с которой эти два буржуа пьют за новые времена, те самые, что всего год спустя придут и раздавят их.

Как они представляют себе это новое будущее? За какие свои иллюзии поднимают бокалы?

– Изида Андреевна! – господин увидел, что Даша смотрит на них. – За революцию! Мы все ее ждем!

– Ждете? – повторила Даша чуть слышно.

– Конечно! – подхватила дама с лисой на плече. Она была белокура, очень молода и красива. От нее шел нежный запах фиалок и мятных конфет. – У меня на душе так чудесно, так радостно, будто все плохое навеки ушло: проклятая война, нелепая монархия. И теперь впереди только чудесное, радостное... Едва царь отрекся, я поняла – нас ждет что-то совершенно новое, что-то прекрасное! Небывалый, невиданный мир... Уж скорей бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.